

ОТЗЫВ
официального оппонента о диссертации на соискание ученой
степени
кандидата филологических наук Маркова Александра
Владимировича
на тему: «Песенная поэзия А. Галича: проблематика, поэтика и
литературные связи»
по специальности 5.9.1 – «Русская литература и литературы
народов Российской Федерации»

Диссертационное исследование А.В. Маркова представляет собой попытку целостного взгляда на феномен Галича. Отсюда и широта исследовательской проблематики: от структуры субстратов песенной лирики Галича до ее историко-литературной основы. Понятие целостности для этой работы является ключевым. Речь в диссертации идет о целостности отдельного текста (анализ формальной и семантической организации произведений), корпуса текстов (анализ межтекстовых связей) и контекста, куда включаются биографические и культурно-исторические факторы, которые, как блестяще показывает А.В. Марков, и определяют поэтику Галича.

Подобный системный подход позволил выявить важнейшие мотивно-образные парадигмы лирики Галича, дать их ценностную интерпретацию (с проекцией на биографические реалии) и вписать поэзию Галича в широкий контекст русской поэтической культуры.

Как и другие работы, посвященные песенной поэзии, диссертация открывается теоретической главой «Методология изучения песенного текста», где песня рассматривается как синкретический/синтетический жанр. Обращаясь к большому количеству разнообразных теорий (от теории синтеза искусств до ряда идей современных авторов), А.В. Марков вписывает их в свою методологическую концепцию.

Мы полностью согласны с ключевым суждением работы о том, что в настоящее время современная классическая, бумажная поэзия не может соперничать с песенной, поэтому чтобы не упустить важнейших тенденций развития поэзии, ее необходимо изучать в том числе и с помощью филологической методологии.

Однако здесь встает острый вопрос о качестве текста и критериях художественности произведения, ибо массовость песни часто коррелирует с невысоким художественным уровнем ее текста. Скажем, нужно ли изучать ту же рэп-поэзию? По-видимому, это делать необходимо, однако, кажется, что подобного рода исследования большей частью должны проводиться в культурологических рамках. Что же касается практики филологического анализа, то он, по всей вероятности, уместен в том, случае, когда речь идет о феномене литературной песенности, одним из признаков которой становится ориентация на литературную традицию. Именно эта мысль стала одной из определяющих идей первой главы работы.

В теоретической части также затрагивается вопрос о разграничении двух методов исследования песенного текста: синтетического (анализ всех субтекстов песни) и редукционного (анализ только вербальной части).

В методологическом отношении вопрос о выборе методе анализа – это вопрос принципиальный, исследователи песенной поэзии это прекрасно знают. В целом поддерживая концепцию В.А. Гаврикова, А.В. Марков изящно разграничивает эти методы через дифференциацию целей и сфер исследования. Исследователь должен ориентироваться на текст, но, если необходимо, дополнять его интерпретацию смыслами, вычлененными из других субтекстов.

Мы бы со своей стороны эту мысль дополнили. Вербальный ряд может быть первичным, вторичным, доминантным, субдоминантным... но в любом случае именно он и должен являться точкой отсчета для интерпретации песни, именно от него должны «отстраиваться» другие смысловые ряды.

Чрезвычайно значимо и то, что диссертант в качестве важнейшего фактора исследования песни вводит фактор порождения песенного текста. Действительно, то, как появляется текст относительно музыкального ряда, решительным образом влияет на текстуальную структуру. Первичность музыки расшатывает синтагматику текста: рвутся семантические связи между предложениями, текст начинает тяготеть к формульности... В целом поэтическое высказывание, если использовать термин А.Р. Лурии, становится «симпрактическим», ибо сам текст не отделим от музыкально-исполнительского контекста.

Чрезвычайно любопытной и продуктивной нам видится разделение субтекстов на авторские, авторизованные и неавторизованные, выделение феномена коллегиальной песенности – действительно для описания песни не как текста, а как системы субтекстов – это необходимо.

Вторая глава работы («Субъектно-персонажная структура лирики Галича») является центральной, она посвящена анализу разных форм субъектности – как авторских, так и ролевых. А.В. Марков выделяет пять типов персонажей по содержательному критерию «близость / удаленность» от власти. Характеристики этих персонажей проявляются на уровне моделирования поведения и языковой способности.

Так, например, «обыватель» – первый тип, наиболее далекий от власти, – всегда дается Галичем через речевой портрет. Однако при более детальном рассмотрении – и это прекрасно показывает диссертант – предметом изображения оказывается языковое сознание, которое подвергается идеологическому воздействию.

Марков выявляет парадоксы такого идеологизированного сознания, оно у персонажей Галича оказывается весьма неустойчивым. Кажется, что эта экзистенциально-психологическая «расшатанность» и является нервом ролевых героев Галича (не только обывателя): герой как будто раскачивается между собственной мелкой выгодой и высокой идеологией. Соположение этих двух пластов, с одной стороны, приводит к дискредитации идеологии и ее носителей, а с другой стороны, – раскалывает сознание героя, делает его

шатким. Отсюда и проистекает важная для Галича тема больного, подвижного и расколотого сознания, подверженного манипуляциям. Поэтому вполне закономерно появление в лирике Галича тем сумасшедшего дома и психбольницы, сопровождающих таких героев.

Обратим внимание, что второй тип ролевого героя «начальничек», уже наделенный «маленькой» властью, также демонстрирует расколотость своего сознания. Но если обыватель мечется между выгодой и идеологическими клише, то здесь метания иного рода – между властью и собственной душой. Именно поэтому в песнях, где появляется этот тип героя, возникает та же семантическая парадигма, включающая в себя мотивы сумасшествия, сумасшедшего дома, эскапизма и т.д. (ср. анализ «Баллады о том, как едва не сошел с ума директор антикварного магазина № 22 Копылов Н.А., рассказанная им самим доктору Беленькому Я.И.»).

А.В. Марков выявляет парадоксы такого героя: стремление к маленькой власти делает этого персонажа беззащитным перед властью большой, ибо большая власть полностью нивелирует фактор личности. Этот конфликт хорошо показан исследователем на примере анализа баллады «Красный треугольник»

Наиболее приближены к власти герои, обладающие высоким социальным статусом. Эти персонажи воплощают саму суть власти, которая, по оценке Галича, – зло. Именно поэтому инвариантной характеристикой больших начальников становится их близость «палачам». Но и их власть, как и в предыдущем случае, является относительной. И отсюда все тот же мотивный комплекс страха и безумия, который сопровождал и два первых типа персонажей.

Таким образом, отличие трех типов персонажей не в *качестве*, а в *степени*. Три первых персонажных типа на глубинном уровне фактически представляют собой одну группу с разными модификациями. Здесь выстраивается такая онтосоциологическая иерархия типов личности относительно вертикали власти (ср. анализ песни «Плясовая»). Основной конфликт этой группы – столкновение власти/идеологии и живой человеческой души.

К третьей группе персонажей А.В. Марков относит и образ Сталина, который воплощает власть как таковую. Если следовать логике глубинного сюжета Галича, представленного выше (о том, что власть сталкивается с человеческой душой и как будто вытесняет ее), то образ Сталина должен быть деперсонализирован – это герой, которым полностью завладела страшная роковая стихия власти, в нем не осталось ничего человеческого. В связи с этим образ Сталина и сопутствующие ему образы «палачей» нам кажутся качественно иными, чем рассмотренные выше. Они не располагаются в иерархии власти – они являют собой сам принцип власти. А.В. Марков пишет, что образ Сталина надперсонален, но нам кажется, что он, скорее, деперсонализирован. Отсюда и принципиально новые мотивы – статуарности, вечности – которых не было выше. Сталин – монумент, памятник, явление, он принцип, обладающий вневременной сущностью. Именно поэтому Сталин и

проецируется на архетипические культурные контексты, прекрасно проанализированные диссертантом. В связи со всем сказанным, кажется, что на глубинном смысловом уровне образ Сталина и другие образы власти подобного рода следовало бы выделить в отдельную категорию. А вот вохровцы и зэки тяготеют к первым двум группам – они напоминают героев обывателей – и по речевым портретам, и по системе мотивов, с которой связаны эти образы.

Во втором параграфе главы Марков обращается к анализу форм проявления лирического героя Галича. Одна из специфических черт лирического субъекта Галича – его неоднородность. Но эта неоднородность качественно иная, нежели у ролевых персонажей. Если ролевой герой всегда диссоциировал и расщеплялся, то здесь, напротив, лирический субъект часто сливается с некими положительно оцениваемыми социальными группами: русский народ, диссиденты, советское общество, еврейская часть советского общества. Сам субъект может одновременно занимать разные, часто противоположные роли – обвинителя и обвиняемого. Однако его голос все же обнаруживается через лексико-грамматические маркеры – местоимения первого лица и соответствующие личные формы глагола.

Диссертант находит в поэзии Галича и классические формы субъектности – лирического героя как некую целокупную психологическую инстанцию, связанную с биографическим автором. Исследователь, выделяя группу оригинальных мотивов, ассоциированных с этим типом субъектности (одинокость, горе, отчуждение), тем не менее отмечает, что и здесь возникает центральный для Галича мотив противопоставления власти и человека. Правда, эта антитеза вписывается в совершенно иную мотивную парадигму, соотношенную с дискурсом классической поэзии (предназначение поэта, концептуализация поэтического слова, поэт и толпа, мессианское правдоискательство, изгнание).

Тесная связь персонажно-ролевого и лирического пластов приводит к использованию способов неявного выражения авторской позиции – это особенно интересно, так как именно в этих случаях субъектность маркируется формально. А.В. Марков полагает, что такими способами становятся «поэтика неожиданного финала, внесистемной строки» (с. 109). Диссертант, проанализировав целый ряд текстов, выявил основные функции этих приемов, варьирующиеся от выражения лирической эмоции до обозначения публицистического пафоса.

Третья глава («Мотивно-образная структура и периодизация песенного творчества Галича») по своей тематике является самой обширной. В этой главе в первую очередь решается задача периодизации песенного творчества Галича, но в целом проблематика главы гораздо объемней – это и анализ мотивно-образной структуры, и определение ключевых проблем, и выявление спектра литературных традиций, к которым обращается поэт...

Выстраивая периодизацию, А.В.Марков опирается на два фактора: личностно-биографический и эстетический. При этом в соответствии со

сменой периодов творчества, он показывает динамику развития мотивно-образной системы, рассматривает, как одни лейтмотивы сменяли другие.

Некоторые выводы, обозначенные ранее, здесь повторяются, но даются они уже в ином семантическом контексте. Так, исследователь показывает, что тема тоталитаризма, которая подробно была рассмотрена с позиции типологии персонажей, оказывается своеобразным фокусом, где в единое целое сходятся все мотивно-тематические комплексы песенной поэзии Галича: мотив демонической власти, совести, противостояния человека жесткой социальной структуре.

Отдельным объектом исследования является образ исторической эпохи, который, как доказывает диссертант, наделяется системой таких предикатов, как *безжалостность* и *жестокость*. Этому образу противостоит образ России / Руси, для которого травестирование оказывается недопустимым: Родина, Русь, противопоставленная Советскому Союзу, вписывается совершенно в иную систему координат, что и обуславливает, по справедливому мнению А.В. Маркова, обращение Галича к жанровому коду русской народной песни.

Подход диссертанта к авторской песне является текстоцентричным. Автор утверждает, что авторская песня – это один из способов бытования традиционной поэзии, отсюда столь важное значение для диссертации имеет исследование литературных связей.

И здесь А.В. Марков, демонстрируя, как разные грани русской литературы преломлялись в песнях Галича, фактически обобщает работы по этой теме и систематизирует их выводы. Важно, что диссертант не просто фиксирует те или иные интертекстуальные отсылки, но подходит к ним с субъектно-ценностных позиций, показывая, как Галич выстраивает диалог с традицией.

Чужие тексты – от классических до модернистских и авангардистских – являются ключами к авторской картине мира. С помощью интертекста Галич не только устанавливает связи с прошлым, но и концептуализирует историческое настоящее. Марков убедительно доказывает, что каждая из поэтических систем, к которой обращается Галич, как будто формирует свой пласт отсылок, связываясь с набором однородных тем. Так, Мандельштам, например, соотносится с темой поэтического слова и вождизма, реанимируется тема трагической судьбы поэта, его изгнания; отсылки к Блоку притягивают тему поэта и революции; реминисценции из ахматовской лирики соотнесены с семантическим комплексом памяти.

Таким образом, интертекстуальный анализ базируется не на механическом поиске цитат и заимствований, но на выявлении ценностных платформ. Основой такого анализа является анализ мифа о поэте, именно миф о поэте / поэтах, с одной стороны, является своеобразным фильтром для формирования того или иного интертекстуального слоя, а с другой стороны, помогает Галичу сформировать свою собственную поэтическую мифологию.

Следует отметить и сравнительный анализ поэтики Окуджавы, Высоцкого и Галича. Для решения столь масштабной задачи, заслуживающей

отдельной диссертации, необходимо было выбрать определенный ракурс. И в качестве такого «ограничивающего» фактора в диссертации выступает жанр баллады. Этот жанр в силу его распространенности в песенной лирике становится ключевым пунктом, на основе которого А.В. Марков выявляет специфику каждой из обозначенных поэтик.

В последнем параграфе главы анализ традиции предпринят совершенно с иных методологических позиций. Диссертант использует метапоэтический инструментарий для выявления типологической концепции поэзии: теоретической основой этого заключительного параграфа, посвященного схождениям авторской песни и рок-поэзии, становятся работы о философии творчества зарубежных поэтов и мыслителей. На выходе А.В. Марков реконструирует своеобразную «систему поэзии», которая оказывается единой для целого ряда авторов, связанных с разными культурно-эстетическими программами.

Диссертация являет собой концептуально целостное и завершенное исследование, тем не менее у оппонента по ходу чтения работы возникли некоторые вопросы. Так, кажется, что 5 и 6 параграфы первой главы композиционно и содержательно тяготеют к другим главам, в первой главе они как будто кажутся лишними, так как их проблематика касается не столько теории и методологии изучения песенного текста, сколько конкретного анализа песен Галича с проекцией на ряд историко-литературных традиций.

Другое замечание, содержательное, касается 9 параграфа третьей главы. В этом параграфе типологическая концепция творчества разрабатывается с опорой на Малларме, Валери, Хайдеггера и т.д. Возникает ощущение некоторой произвольности выбора имен – почему для реконструкции типологических представлений о поэзии в рамках рок- и бард-традиции автор диссертации обращается именно к этим философам? Те поэтические примеры, которые приводятся в параграфе как иллюстрации того или иного философского тезиса, можно возвести и к другим источникам.

Подводя итоги работы, следует сказать, что диссертанту удалось решить все поставленные задачи: выстроить типологию героев песенной поэзии Галича, вычленив важнейшие смыслообразующие элементы его поэтической картины мира и вписать поэта в ценностное поле отечественной литературы.

Обозначенные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.9.1. – «Русская литература и литературы народов Российской Федерации», а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Работа также оформлена согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель А.В. Марков заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. – Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,

профессор кафедры иностранных языков и культуры

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»

Темиршина Олеся Равильевна

30.05.2024 г.

Специальность, по которой официальным оппонентом

защита диссертация:

10.01.01 – Русская литература

Адрес места работы:

129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», кафедра иностранных языков и культуры,

тел.: +7 (495) 255-67-67, e-mail: info@rgsu.net